В40
233

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

ЮБИЛЕЙНАЯ РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМЪ ВОЛЬСКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА С. Т. АНДРЕЕВЫМЪ НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ЗАСѢДАНІИ СОВѢТА (ТОГО-ЖЕ УЧИЛИЩА) ВЪ ПАМЯТЬ 100 Л.

Г. ВОЛЬСКЪ, САР. Г. АВГУСТА 1912 Г.

ВОЛЬСКЪ
ТИПОГРАФІЯ И. А. ГУСЕВА
1912.

22 МАР. 1916
В40 233

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

ЮБИЛЕЙНАЯ РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМЪ ВОЛЬСКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА С. Т. АНДРЕЕВЫМЪ НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ЗАСѢДАНІИ СОВѢТА (ТОГО-ЖЕ УЧИЛИЩА) ВЪ ПАМЯТЬ 100 Л.

Г. ВОЛЬСКЪ, САР. Г. АВГУСТЪ 1912 Г.

ВОЛЬСКЪ.
ТИПОГРАФІЯ И. А. ГУСЕВА.
1912.

22 МАР. 1916

Къ печатанію препятствій не встрѣчается.
Г. Казань іюля 12 дня 1912 г.
Предсѣдатель Комитета по дѣл. печати
М. Пинегинъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

681300

22 МАР. 1916

Сегодня мы вспоминаемъ столѣтній юбилей войны 1812 г. Она произошла въ царствованіе Императора Александра I съ французскимъ Императоромъ Наполеономъ I.

Наполеонъ родился на островѣ Корсикѣ въ г. Аяччіо 12 августа 1769 г. и происходилъ изъ небогатой семьи. Съ дѣтства онъ былъ свидѣтелемъ борьбы острова Корсики за свою свободу отъ порабощенія сначала Генуей, а затѣмъ Франціей; послѣдняя побѣдила и Корсика должна была признать власть короля.

Въ періодъ борьбы за свободу особенно прославился національный герой Паоли, предъ мужествомъ и героизмомъ котораго преклонялся впослѣдствіи Наполеонъ. Видя всевозможныя униженія своихъ гражданъ, Наполеонъ еще тогда затаилъ въ душѣ злобу на притѣснителей и долго хранилъ ее въ своей

душѣ. Съ дѣтства Наполеонъ отличался недюжинными способностями, которыя и проявилъ впослѣдствіи.

Когда настало время учиться, то онъ покинулъ Корсику и переѣхалъ на югъ Франціи, гдѣ и поступилъ въ Бріенскую школу. Въ школѣ уже учителя замѣтили способности Наполеона и его страсть къ исторіи и математикѣ, и не даромъ, одинъ изъ учителей, аттестуя Наполеона, какъ способнаго ученика, выразился такъ: „изъ этого выйдетъ знаменитый человѣкъ". Онъ дѣйствительно не ошибся.

Съ товарищами Наполеонъ не дружился, а болѣе держался особнякомъ; большую часть времени проводилъ за чтеніемъ или за военными играми при чемъ и среди товарищей старался быть первымъ. Окончивъ курсъ школы, Наполеонъ переѣхалъ въ Парижъ и поступилъ въ академію, по окончаніи которой съ чиномъ подпоручика, назначенъ былъ въ одинъ изъ маленькихъ городковъ Франціи.

Но монотонная жизнь не могла удовлетворить Наполеона, его душа жаждала боль-

шаго; и вотъ, томясь бездѣйствіемъ, онъ проситъ продолжительный отпускъ и отправляется на родину, въ душѣ имѣя намѣреніе снискать любовь гражданъ и стать въ ряды защитниковъ своей родины. Но вскорѣ онъ узнаетъ, что симпатіи гражданъ все еще на сторонѣ его политическаго соперника, Паоли, и что ему здѣсь нечего дѣлать.

Между тѣмъ обстоятельства быстро мѣняются. Во Франціи готовится государственный переворотъ; власть ослабѣваетъ и нарождается французская революція; всему старому конецъ, власть короля пала. Наполеонъ, какъ искусный политикъ, понялъ, что необходимо воспользоваться даннымъ политическимъ моментомъ, быстро явился во Францію и сталъ въ ряды ея политическихъ дѣятелей. Какъ человѣкъ съ громадной силой воли и въ высшей степени смѣлый, онъ, вполнѣ понятно, явился очень цѣннымъ для потерявшей силу власти, и послѣдняя обратила вниманіе на него, приблизила его и поручила ему усмирить взбунтовавшихся жителей столицы, что Наполеонъ и выполнилъ удачно. Послѣ этого Наполеонъ еще болѣе созналъ, чѣмъ онъ является для правительства и какъ оно имъ дорожитъ, и рѣшилъ стать ближе

къ политической жизни и даже сталъ претендовать на руководящую роль среди членовъ временнаго правительства. Тогда-то только поняли члены правительства, какого опаснаго для себя человѣка они имѣютъ, и всячески изыскивали поводъ, какъ бы удалить его подальше отъ себя. Случай скоро представился. Наполеонъ также тяготился бездѣйствіемъ и какъ эгоистичная натура, искалъ большаго.

Желая славы и войны, Наполеонъ предложилъ свои услуги отправиться въ Италію и подчинить ее власти французовъ. Правительство приняло его предложеніе и Наполеонъ отправился воевать въ Италію; для большей убѣдительности въ необходимости войны Наполеонъ нарисовалъ столь заманчивую перспективу легкаго обогащенія Франціи за счетъ Италіи, что правительство тотчасъ-же согласилось съ его доводами. И дѣйствительно Наполеонъ оправдалъ довѣріе и привезъ много золота и драгоцѣнностей изъ политически слабой, но богатой итальянской страны.

Послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ, въ которыхъ онъ проявилъ свои геніальныя способности и талантъ, Наполеонъ окончательно уничтожилъ австрійское вліяніе въ Италіи и воз-

становилъ протекторатъ Франціи; заставилъ отказаться отъ свѣтской власти папу и вступить въ конкордатъ. Послѣ этого французскій народъ проникся еще большимъ уваженіемъ къ Наполеону, а правительственная власть предоставила ему широкія полномочія. Но неутомимый и гордый корсиканецъ не могъ на этомъ успокоиться; блескъ побѣды его не ослѣпилъ и въ его головѣ уже вновь созрѣвалъ грандіозный планъ отправиться въ Египетъ, въ эту сказочную страну фараоновъ и пирамидъ.

Цѣлью египетской экспедиціи Наполеона было стремленіе уничтожить морское могущество Англіи и подорвать ея торговлю, а также обратить Египетъ въ колонію Франціи. Походъ этотъ, не смотря на громадныя трудности и большіе переходы, былъ удаченъ и доставилъ много золота и Наполеоновской арміи, и Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта экспедиція имѣла большое культурное значеніе, такъ какъ доставила Франціи немало рѣдкостей съ Востока. Но не пришлось Наполеону быть до окончанія войны въ Египтѣ; онъ долженъ былъ оставить армію, передавъ командованіе своему генералу Клеберу, а самъ вернулся обратно во Францію. Во Франціи снова поднималось волне-

ніе и отечеству грозила опасность. Наполеонъ и на сей разъ рѣшился выступить защитникомъ родины. Явившись во Францію, онъ увидѣлъ, что правительство теряетъ авторитетъ свой въ странѣ и что насталъ удобный моментъ произвести смѣну правительства и самому стать у кормила правленія. Наполеонъ не задумывался и провелъ свой планъ, свергнулъ директорію и установилъ совѣтъ консуловъ, на самомъ-же дѣлѣ захватилъ всю власть въ свои руки.

„Баловень судьбы" не остановился и на этомъ; въ скоромъ времени онъ добился того, что народъ избралъ его Императоромъ и ввѣрилъ такимъ образомъ судьбу родины этому роковому человѣку. Теперь Наполеонъ достигъ своего: онъ сталъ повелителемъ Франціи. Съ этого времени и начинается собственно говоря его боевая слава. Съ слѣдующаго 1805 г. открывается періодъ войнъ, которыми прославилъ себя Наполеонъ. И здѣсь на полѣ битвъ онъ показалъ себя не менѣе искуснымъ полководцемъ, чѣмъ раньше на политической аренѣ.

Въ теченіе пяти лѣтъ онъ сумѣлъ побѣдить цѣлую коалицію державъ и стяжалъ себѣ славу среди народовъ Западной Европы.

Слѣпо вѣря въ свою звѣзду, очъ слишкомъ увлекался и считалъ себя равнымъ Богу, горделиво заявляя всѣмъ объ этомъ.

Разбивъ Австрію, Пруссію и союзницу въ то время Россію, Наполеонъ хотѣлъ повредить конечно и Англіи и ввелъ, такъ называемую континентальную систему; и закрылъ всѣ гавани материка для торговыхъ судовъ Англіи, но разсчетъ его оказался неправильнымъ, такъ какъ Англія, какъ колоніальная держава, могла сбывать свои товары внѣ материка по колоніямъ; вся тяжесть-же системы всецѣло обрушилась на государства континента и въ частности на Россію. Сколько ни старался Императоръ Александръ I прійтти къ мирному соглашенію по этому вопросу съ Наполеономъ, но ему это не удалось и Императоръ Александръ I понялъ, что прежнимъ ихъ добрымъ отношеніямъ близокъ конецъ. Наполеонъ также не сталъ скрывать этого и даже позволялъ явно нарушать добрыя прежнія отношенія, напримѣръ, задѣвъ родственника Императора Александра— принца Ольденбургскаго и обѣщалъ полякамъ возстановить ихъ родину. Послѣ этого Александру пришлось порвать мирныя отношенія и вступить во вражду съ Наполео-

номъ. До послѣдней минуты Императоръ Александръ все еще вѣрилъ въ благопріятный исходъ, и только, когда получено было извѣстіе о переходѣ французской арміи чрезъ Нѣманъ и ея вступленіи въ Россію, Александръ понялъ что добрымъ отношеніямъ пришелъ конецъ. Есть извѣстіе, что Императоромъ Александромъ было заготовлено Наполеону дружеское письмо, но оно по какимъ то причинамъ, не было ему доставлено. Узнавъ о приближеніи Французской арміи, Императоръ Александръ покинулъ Петербургъ и отправился въ Вильну, гдѣ неподалеку была квартира главнокомандующаго. Въ честь пріѣзда Государя былъ устроенъ балъ въ одномъ изъ дворцовъ и въ самый разгаръ бала Императоръ Александръ получилъ увѣдомленіе отъ генерала Балашова о томъ, что армія французовъ уже въ Россіи. Императоръ Александръ сумѣлъ совладѣть съ собой и старался быть по прежнему любезнымъ и веселымъ во все время бала. Вернувшись поздно съ бала, Императоръ Александръ сталъ экстренно готовить приказы по войскамъ. Онъ понималъ отлично, насколько Французская армія превосходитъ русскую, какъ численностью, такъ и боевой опытностью. Тѣмъ не менѣе Императоръ Александръ

I не палъ духомъ и не страшился грозной арміи Наполеона. Будучи увѣренъ въ готовности русскаго народа защитить родину и вѣру отъ своего поработителя. Императоръ Александръ принялъ вызовъ, произнеся свои замѣчательныя слова: „не хочу начинать войны, но не положу оружія до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ останется въ Россіи".

Такъ, наконецъ, Наполеонъ и Императоръ Александръ два колосса XIX вѣка — вступили въ ужасную борьбу, въ которой и проявили свои таланты.

Наполеонъ при этомъ кичливо заявилъ: „даже Богъ не можетъ сдѣлать, что бы не было того, что произошло!"

О, какъ жестоко, впослѣдствіи пришлось Наполеону раскаяться въ этомъ и сколь дорогой цѣной онъ расплатился предъ Европой за свой грандіозно-дерзкій планъ!

Міръ давно не видалъ такихъ обширныхъ военныхъ приготовленій; во главѣ французской арміи стоялъ великій полководецъ, находившійся въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ

и своей военной славы, полководецъ, въ непобѣдимость котораго вѣрилъ и онъ самъ и его войско и почти вся Европа. Офицеры и солдаты охотно шли въ походъ, который сулилъ имъ славу и богатство. „Мы идемъ въ Москву, до скораго свиданія!“ говорили тысячи тѣхъ, которымъ не суждено было увидѣть свою родину.

Императоръ Александръ долженъ былъ стянуть войска вдоль Западной границы, раздѣливъ ихъ на три корпуса: сѣверный, стоявшій въ Виленской и Ковенской губерніяхъ, былъ ввѣренъ Барклай-де-Толли, южный на Волыни Тормасову, а въ срединѣ Гродненской губерніи Багратіону.

Въ ночь на 11 іюня Наполеонъ перешелъ Нѣманъ и очутился на русской землѣ. Онъ велѣлъ прочесть по войскамъ слѣдующій свой приказъ: „Солдаты! вторая польская война началась! Первая окончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ, гдѣ Россія клялась вѣчно сохранять союзъ съ Франціей и враждовать съ Англіей. Она нарушила эту клятву. Она отказывается объяснить свои странныя дѣйствія, пока Французскіе орлы не отойдутъ за Рейнъ, предоставивъ ей въ жертву на-

шихъ союзниковъ. Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей. Неужели она думаетъ, что мы измѣнились! Развѣ мы уже не воины Аустерлица! Она предлагаетъ намъ безчестье либо войну: выборъ не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ, впередъ! Вторая польская война будетъ славна для Франціи столь-же сколько и первая, но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ полувѣковое кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы!"

Затѣмъ былъ отданъ приказъ войскамъ двигаться внутрь Россіи. На небольшомъ сравнительно пространствѣ двигались сотни тысячъ людей, обращая мирную, цвѣтущую страну въ пустыню: истоптанныя хлѣбныя поля, порубленные на костры вѣковыя деревья, растасканныя жилища, бѣжавшіе въ испугѣ жители -- такова была картина перваго появленія французовъ на русской почвѣ.

Войска Наполеона съ нетерпѣніемъ ждали боя, русскіе же главнокомандующіе и особенно Барклай-де-Толли, отлично понимая безцѣльность сраженія, всячески старались отклонить его, заманивая непріятеля вглубь

страны. Войска русскихъ должны были соединиться подъ Смоленскомъ, что и произошло 22 числа.

Благоразумный планъ Барклай-де-Толли къ сожалѣнію, не былъ понятъ, наоборотъ на него посыпались всевозможнаго рода нападки, вродѣ такихъ, что „онъ нѣмецъ, у него душа не болитъ о русской землѣ“ что и привело впослѣдствіи къ замѣнѣ его новымъ командующимъ Кутузовымъ, хотя Государь лично и не желалъ этого, но долженъ былъ считаться съ царившимъ тогда настроеніемъ, какъ среди войскъ, такъ и всего русскаго народа.

Наполеонъ, какъ было выше указано, ждалъ боя и въ первыхъ же числахъ августа началъ осаду Смоленска, защита котораго была ввѣрена Невѣровскому, Раевскому и Дохтурову. Они славно исполняли трудную задачу удерживать превосходныя силы противника и дать тѣмъ временемъ русскимъ войскамъ возможность отойти вглубь.

Планъ русскихъ сначала не былъ понятъ Наполеономъ; онъ, наоборотъ, полагалъ окружить русскихъ и разбить окончательно.

Самый ужасный изъ боевъ подъ Смоленскомъ былъ на 6 августа, въ день 2-го Спаса, когда гранатами непріятельскихъ орудій Смоленскъ былъ превращенъ въ груду развалинъ.

Ужасное то было зрѣлище! Толпы жителей вмѣстѣ съ тысячами раненыхъ, обозначая свой путь кровью, стремились укрыться. Всѣ улицы и площади покрыты были трупами. Среди грома выстрѣловъ и пламени пожаровъ въ храмахъ Божіихъ совершалась всенощная, наканунѣ праздника Преображенія Господня, и церковное пѣніе и возгласы священника смѣшивались съ воплями молящихся, искавшихъ здѣсь послѣдняго утѣшенія.

Наконецъ, ночью, видя безцѣльность борьбы Барклай-де-Толли приказалъ покинуть городъ, вывести войска и вынести чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери, который и сопровождалъ съ тѣхъ поръ армію во всѣхъ походахъ 1812 г. Покинутый городъ догоралъ среди ночной тишины: при совершенномъ безвѣтріи пламя подымалось высокимъ столбомъ, надъ которымъ клубились тучи дыма. Наполеонъ сравнилъ это зрѣлище съ изверженіемъ Везувія.

Наполеону тяжело стало смотрѣть картину разрушенія города и онъ даже не пожелалъ ни съ кѣмъ встрѣчаться. Оставивъ Смоленскъ, русская армія приближалась къ Москвѣ и тутъ-то еще сильнѣе послышался ропотъ по адресу честнаго Барклая, такъ что онъ счелъ за лучшее уступить мѣсто Кутузову.

Пожаръ Смоленска и самоувѣренность французовъ, ихъ дерзкое и подчасъ даже кощунственное отношеніе къ нашимъ святынямъ еще сильнѣе задѣли національную гордость и тутъ-то создалась та могучая сила, о которой и не подозрѣвалъ ранѣе Наполеонъ! Насталъ часъ мщенія за честь и славу родины и милліонный русскій народъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ. Началась народная война! Быстро потекли пожертвованія и деньгами и вещами и въ короткое время образовалась огромная сумма, которая и пошла на ополченіе.

Слова манифеста Государя о томъ, чтобы врагъ встрѣтилъ въ каждомъ дворянинѣ-Пожарскаго, духовномъ – Палицына и гражданинѣ—Минина осуществились.

И, дѣйствительно, всѣ соединились съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, и никакія силы не одолѣли ихъ. Приподнятое настроеніе царило всюду; простой людъ готовъ былъ все добро свое сжигать, лишь бы оно не доставалось врагу, а добровольные отряды партизановъ съ славными участниками Сеславинымъ, Давыдовымъ и Фигнеромъ довершили ихъ дѣло.

Тутъ-то Наполеонъ и его армія поняли, сколь грозную силу они встрѣтили въ лицѣ русскаго народа.

Наблюдались такія, напримѣръ, сцены, какъ мужики и бабы съ вилами и топорами въ рукахъ ловили французовъ; послѣдніе, прося пощады, кричали „Za vie“ (что значитъ жизнь), мужики-же не понимая французскаго слова, добродушно отвѣчали: „не проси и безъ того всѣхъ переловимъ“.

Всѣ эти мелкія схватки сильно вредили арміи Наполеона, безъ того очутившейся въ тяжелыхъ условіяхъ. Онъ теперь только понялъ, какъ далеко зашелъ отъ своихъ мѣстъ, и предугадывалъ, что его ждетъ впереди.

Но по свойству своей натуры, гордости и увѣренности, старался скрыть свое душев-

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ное волненіе и, наоборотъ, еще упорнѣе рѣшилъ итти къ Москвѣ.

Вскорѣ подъ Царевымъ Займищемъ онъ встрѣтился съ вновь назначеннымъ главнокомандующимъ Кутузовымъ и попалъ въ такое положеніе, которое такъ мѣтко передано нашимъ дѣдушкой Крыловымъ въ знаменитой его баснѣ „Волкъ на псарнѣ".

Хотя и Кутузовъ, такъ же, какъ и Барклай, не желалъ вступать самъ въ бой, но принужденъ былъ уступить желанію войска. „Разбить его сейчасъ едва-ли я могу, а обмануть не дамъ себя", говорилъ Кутузовъ про Наполеона.

Тѣмъ не менѣе своимъ маневромъ Кутузовъ создалъ такое тяжелое положеніе Наполеону, что послѣдній впервые рѣшился заговорить о мирѣ, на что Кутузовъ отвѣтилъ, что даже и самое то слово миръ боится произносить, чѣмъ не могъ не задѣть самолюбивую натуру Наполеона. Наполеонъ рѣшилъ во что-бы то ни стало итти на Москву и дать русскимъ генеральное сраженіе. Рѣшеніе онъ сталъ выполнять съ присущей ему энергіей,

къ этому вынуждали его и обстоятельства: трудность похода и скудость продовольствія развили въ Великой арміи сильное дезертирство и мародерство. Въ русской-же арміи, наоборотъ, наблюдалось единодушіе и готовность пожертвовать всѣмъ для пользы родины; никто не желалъ ни быть проводниками врагу, ни давать какихъ бы то ни было свѣдѣній о нашихъ войскахъ, и Великая армія должна была подвигаться какъ бы ощупью, что, конечно, стѣсняло ея дѣйствія, а съ тылу немало вредили и добровольные отряды нашихъ храбрецовъ. Маршалы Наполеона отлично все понимали и совѣтовали Наполеону вернуться, но онъ не слушалъ ихъ и еще настойчивѣе пошелъ къ намѣченной цѣли—Москвѣ.

24 августа 1812 г. французскія войска встрѣтились съ русскими у такъ называемыхъ Шевардинскихъ высотъ, гдѣ произошелъ сильный бой, продолжавшійся до вечера, редутъ попеременно переходилъ изъ рукъ въ руки пока, наконецъ, Багратіонъ, сообразно приказанія Кутузова, видя безцѣльность борьбы, не отступилъ на главную позицію.

Слѣдующій день прошелъ въ приготовленіяхъ къ одной изъ славнѣйшихъ и величай-

шихъ битвъ начала XIX вѣка по числу сражавшихся и проявленной ими храбрости; армія Наполеона превосходила значительно количествомъ русскую и состояла изъ опытныхъ въ бояхъ людей, между тѣмъ, какъ русскіе войска были большей частью новобранцы и неопытны, одушевленіе, съ какимъ бились обѣ стороны, было почти одинаково.

Французы готовились къ битвѣ, видя конецъ лишеніямъ, и имъ грезилась Москва и богатая добыча, а русскіе отчаянно сражались за святую Русь и Бѣлокаменную, видя воплощеніе въ ней своей родины. Многіе солдаты даже отказывались въ этотъ вечеръ отъ положенной чарки водки, заявляя: „не такой день завтра, не къ тому готовимся". Дѣйствительно, они готовились къ этой битвѣ не пирами, а жаркой молитвой; служили молебны и обносили икону Смоленской Божіей Матери. Кутузовъ лично объѣзжалъ полки, ободряя солдатъ, и убѣждалъ ихъ послужить вѣрой правдой родинѣ: „Вамъ всѣмъ придется принять участіе, васъ будутъ смѣнять новыми, какъ часовыхъ, чрезъ каждые два часа. Надѣюсь на васъ; Богъ вамъ поможетъ!"

Наконецъ настала ночь: наступила полная тишина, даже и костры солдаты зажига-

ли не хотя, не желая нарушать торжественной тишины.

Въ войскахъ Великой арміи весь день 25 прошелъ въ передвиженіяхъ и приготовленіяхъ къ бою, а ночь всю французы провели шумно у разложенныхъ костровъ. Рано утромъ Наполеонъ вышелъ изъ палатки и спросилъ, что дѣлается у русскихъ? Узнавъ, что русскіе ждутъ боя, обрадовался этому и сказалъ собравшимся офицерамъ: „Сегодня немножко холодно, но ясно: это солнце Аустерлица!“ и тотчасъ отдалъ по войскамъ приказъ, въ которомъ говорилось: „Воины! вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. Побѣда зависитъ отъ васъ, она необходима для насъ: она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ Великой битвѣ подъ Москвой!“

Наши войска тоже были готовы къ бою, и первый выстрѣлъ раздался съ нашей стороны и начался жаркій бой, конецъ которо-

му положила ночь. Бой этотъ изобиловалъ драматическими моментами; позиціи переходили изъ рукъ въ руки; герои гибли жертвой своего долга и храбрости и тщетно старались склонить боевое счастье на ту или другую сторону. Вскорѣ былъ раненъ французскій маршалъ Даву и нашъ генералъ Багратіонъ.

Французы начали съ боковъ тѣснить, а въ центрѣ шло жаркое дѣло. И солдаты и начальники сражались отчаянно. Среди послѣднихъ особенно выдѣлялся Барклай, появляясь въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и дѣлая цѣнныя распоряженія: всюду надъ нимъ витала смерть, и онъ дерзко бросалъ ей вызовъ. Храбрость его оцѣнена была по заслугамъ и солдатами и даже раненымъ Багратіономъ.

Между тѣмъ, безпримѣрный по упорству сражавшихся и стоившій и русскимъ и французамъ по 50 тысячъ солдатъ убитыми, ранеными и плѣнными, бой затихалъ и лишь канонада гремѣла, да и та ослабѣвала. Спустя нѣкоторое время Барклай послалъ адъютанта съ донесеніемъ о ходѣ боя къ Кутузову. Послѣдній выслушалъ и далъ распоряженіе возобновить на слѣдующій день бой, желая, видимо, поддержать бодрость духа арміи, а самъ

между тѣмъ рѣшилъ за лучшее готовиться къ отступленію, учитывая тѣ колоссальныя потери, которыхъ стоилъ день 26 августа. Все Бородинское поле усѣяно было трупами и кровь рѣкой лилась; стоны умиравшихъ и гулъ орудій все слилось вмѣстѣ.

Поистинѣ былъ великій и ужасный день 26 августа... „Не даромъ помнитъ вся Россія про день Бородина!“

Въ этой битвѣ еще разъ доказали русскіе свою храбрость и мужество. Самъ Наполеонъ впослѣдствіи подтвердилъ это, заявилъ, что самая ужасная и упорная изъ его битвъ— была битва подъ Москвой, гдѣ русскіе получили право считаться непобѣдимыми. Молніеносный ударъ былъ нанесенъ, но русская армія не была разгромлена. Послѣ Бородинскаго боя войско наше отступило къ Москвѣ, куда двинулся и Наполеонъ.

Не доходя 10 верстъ до Москвы, Бенигсенъ предложилъ дать еще сраженіе французамъ, но Кутузовъ, прежде чѣмъ согласиться съ Бенигсеномъ, рѣшилъ созвать военный совѣтъ въ подмосковной деревнѣ Филяхъ; долго и бурно обсуждался на совѣтѣ вопросъ о томъ: при-

нять-ли бой подъ Москвой или сдать ее безъ боя? Мнѣнія раздѣлились; но въ концѣ концовъ Кутузову удалось убѣдить членовъ совѣта въ томъ, что лучше сдать Москву безъ боя, такъ какъ „съ потерею Москвы еще не потеряна честь Россіи, лишь бы цѣла была армія. Наполеонъ—потокъ, который мы не сможемъ теперь остановить. Москва будетъ губкой, которая вберетъ этотъ потокъ въ себя". „Чувствую, что за все мнѣ придется расплатиться, но я доведу французовъ до того, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо". Послѣ такого рѣшенія Кутузовъ тотчасъ-же отправилъ должныя инструкціи градоначальнику Москвскому Растопчину и просилъ его озаботиться скорѣйшимъ очищеніемъ столицы. Вѣсть объ оставленіи Москвы была принята жителями съ унынiемъ, но тѣмъ не менѣе пришлось подчиниться приказу главнокомандующаго. Началась обыкновенная въ такихъ случаяхъ суголока и потянулись по всѣмъ заставамъ вереницы подводъ, на которыхъ москвичи увозили свое имущество; все, что возможно вывезти—было вывезено и Москва была оставлена въ добычу врагу: вѣрнѣе принесена въ жертву для спасенія Россіи.

Едва успѣли выѣхать послѣднія подводы, какъ съ противоположной стороны Москвы показались французы и впереди ихъ ѣхалъ самъ Наполеонъ. Было два часа дня, когда онъ остановился у Поклонной горы, съ которой открывается величественный видъ на столицу. Сойдя съ коня, Наполеонъ сталъ любоваться открывшейся панорамой и радостно воскликнулъ: „Такъ вотъ, наконецъ желанный городъ!“; затѣмъ онъ сталъ разсматривать поданную ему карту и ждать депутаціи отъ города, къ чему онъ ранѣе привыкъ. Долго онъ ожидалъ и никого не дождался, послалъ своихъ маршаловъ узнать, и послѣдніе доложили Наполеону, что Москва пуста и оставлена жителями. Тогда былъ данъ сигналъ по войскамъ, и они въ 5 ч. вечера 2 сентября вступили въ Бѣлокаменную. При самомъ въѣздѣ въ столицу Наполеонъ увидѣлъ группу людей и обрадовался, принявъ ихъ за представителей города, но каково-же было его удивленіе и досада, когда предстали его-же подданные въ старыхъ костюмахъ и страшно утомленные и, какъ оказалось, искавшіе лишь его защиты. Вотъ, какъ встрѣтила Москва всесильнаго побѣдителя Европы, и его шествіе походило скорѣе на погребальную процес-

сію, а не на то тріумфальное шествіе, которое сопровождало прежде Наполеона. Теперь Наполеонъ отлично понималъ, въ какую попалъ ловушку, но желая скрыть свою тревогу, старался казаться покойнымъ и довольнымъ. Къ вечеру Наполеонъ вошелъ по пустыннымъ улицамъ въ кремлевскій дворецъ и сказалъ: „Вотъ это гордыя славой стѣны, принимаютъ меня; я въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ царей, въ Кремлѣ!“ и думалъ спокойно провести ночь; но едва наступили сумерки, какъ въ разныхъ концахъ города стали появляться зловѣщіе огненные язычки; вскорѣ усилился вѣтеръ и превратился въ вихрь, и пламя съ ужасной быстротой распространилось по городу, и къ ночи Москва представляла сплошное море огня. Не даромъ очевидцы назвали эту ночь „страшной“.

Тѣмъ не менѣе и въ такой обстановкѣ гордый Наполеонъ считалъ себя удовлетвореннымъ; теперь вся Европа, разсуждалъ онъ, узнаетъ о занятіи Москвы его арміей. Но что дальше дѣлать? Онъ всячески старался успокоить и себя, и окружающихъ и говорилъ: „Посмотримъ, что будутъ дѣлать русскіе, если не заключатъ теперь-же мира. Мы сдѣлаемъ свое дѣло, представимъ міру не-

бывалое явленіе спокойно зимующей арміи, среди окружающихъ ее враговъ. Наши зимнія квартиры обезпечены; армія французовъ, находящаяся въ Москвѣ, похожа будетъ на корабль, обхваченный льдами. Съ началомъ весны мы снова начнемъ войну; впрочемъ, Императоръ Александръ не допуститъ этого, мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе и онъ подпишетъ миръ". Такъ успокоивалъ себя Наполеонъ, но грозная дѣйствительность указывала ему, что бѣдствіямъ войны и не видать конца.

Наполеону стало ясно, что Москву поджигали сами-же русскіе, и его охватило страшное безпокойство; гнѣвно метался онъ по комнатамъ дворца, открывая окна и рѣзко восклицая: „Какое ужасное зрѣлище, сколько гибнетъ прекрасныхъ зданій! какая необычайная рѣшимость! Что это за люди: это скиѳы!" и чувство досады еще болѣе охватило Наполеона. „Москва не существуетъ, пропала награда, которую я обѣщалъ моимъ храбрымъ войскамъ". Однако, некогда было предаваться гнѣву: пожаръ угрожалъ самому кремлевскому дворцу, и Наполеонъ, уступая просьбамъ маршаловъ, принужденъ былъ переѣхать въ загородный Петровскій дворецъ. Но и сюда-

то, оказалось, не такъ-то легко было добраться по незнакомымъ улицамъ среди пламени. Вотъ какую картину рисуетъ намъ очевидецъ: „Было 2 часа дня. Дорога по Тверской представляла море огня. Выходы изъ Кремля объяты были пламенемъ. Послѣ долгихъ усилій, открыли выходъ къ Москвѣ-рѣкѣ, чрезъ него-то и вышелъ Императоръ со свитой и гвардіей.

Но что-же за тѣмъ? Подойдя ближе къ пожару, мы не могли ни отступить, ни остановиться. Но какъ итти впередъ? Въ эти волны огненнаго моря!—Даже тѣ, которые успѣли нѣсколько познакомиться съ городомъ, не узнавали охваченныхъ огнемъ улицъ. Однако нужно было спѣшить, такъ какъ пожаръ съ каждой минутой усиливался. Одна узкая улица казалась болѣе входомъ, нежели выходомъ изъ этого ада, по ней-то и направился Наполеонъ, среди треска горѣвшихъ костровъ при грохотѣ разрушавшихся сводовъ и падавшихъ горящихъ бревенъ и раскаленныхъ кровельныхъ желѣзныхъ листовъ. Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ. Сильный жаръ жегъ наши глаза, но мы не могли сомкнуть ихъ, такъ какъ должны были пристально смотрѣть на

опасность. Дыханіе становилось труднымъ отъ жара и дыма; руки обжигались, защищая лицо и отстраняя искры, осыпавшіяся и прожигавшія платье. Къ довершенію всѣхъ ужасовъ Наполеонъ едва не заблудился на одной изъ улицъ Арбата и только, случайно встрѣтившіеся солдаты маршала Даву, помогли ему выбраться и указали дорогу. Такъ, наконецъ, послѣ цѣлаго ряда мытарствъ, приплелся къ вечеру Императоръ французовъ въ Петровскій дворецъ, гдѣ и могъ себя чувствовать сравнительно безопаснымъ отъ пожара, который свирѣпствовалъ по Москвѣ. Жители въ испугѣ всюду искали себѣ убѣжище и даже устремлялись въ храмы, но и храмы оказывалось становились тоже добычей огня. Всюду происходили ужасныя сцены спасаясь отъ огня москвичи попадали въ руки грабителей, корыхъ не могло остановить даже пламя. Такъ продолжалось два дня, затѣмъ пошелъ дождь и пожары, утихать, мостовыя охладились и въ Москвѣ стало возможно жить.

8 сентября Наполеонъ переѣхалъ во дворецъ. Относительно пожаровъ немало тогда возникало толковъ, одни говорили, что сами русскіе поджигали зданія и добро, не желая отдавать врагу, другіе всецѣло обвиня-

ли французскую армію, которая вообще вела себя въ тѣ дни дерзко, и всякая дисциплина и порядокъ въ ней отсутствовали. Для Наполеона не столь было важно доискиваться причинъ и виновниковъ пожаровъ, сколь необходимо было позаботиться о себѣ и войскѣ, и онъ не сталъ сдерживать своевольныхъ солдатъ и такимъ образомъ отдалъ городъ имъ на разграбленіе, прикрываясь якобы „приготовленіемъ отрядомъ припасовъ продовольствія“. Не трудно представить, какія слѣдствія были такого распоряженія. И солдаты и ихъ начальники позволяли себѣ довольно непристойные поступки, что повело къ полнѣйшему упадку дисциплины въ арміи и въ концѣ концовъ побудило Наполеона издать строжайшій приказъ о воспрещеніи насилій и грабежей беззащитныхъ жителей столицы, но слова вождя уже теперь не могли имѣть прежняго вліянія, и грабежи не прекратились.

Не щадя жителей, армія не щадила и святынь. Такъ Наполеонъ приказалъ перелить всѣ драгоцѣнные церковные сосуды и кресты въ слитки. Начальники его тоже не отставали отъ своего повелителя, позволяли

надругаться надъ святыми храмами, превращали ихъ въ жилыя помѣщенія, а алтари въ конюшни, иконами топили печи и т. п.

Одинъ очевидецъ рисуетъ намъ такую картину: „Прохожу я по Замоскворѣчью и вижу на паперти церкви Козьмы и Даміана стоитъ французъ и куритъ трубку; прохожу мимо, а онъ меня зоветъ на ломаномъ русскомъ языкѣ „добре Русъ". Подошелъ, приглашаетъ войти: вхожу и глазамъ своимъ не вѣрю. Весь храмъ заваленъ снопами соломы и мѣшками съ мукой, въ алтарѣ—конюшня, гдѣ стояла красивая лошадь, которую мнѣ усердно расхваливалъ жестами ея хозяинъ, а иконостасъ увѣшанъ всевозможнаго рода вещами и бѣльемъ. Я окаменѣлъ при видѣ такого богохульства". Правда, на дикія и кощунственныя выходки французскаго войска и русскіе не оставались въ долгу и тѣмъ самымъ только ухудшали положеніе дѣлъ.

Недовольство народа русскаго, сильная нужда въ деньгахъ и недостатокъ въ провіантѣ, все это безпокоило Наполеона, онъ становился день ото дня задумчивѣе, и прежняя увѣренность и бодрость покидали его.

Какъ онъ ни старался скрывать страданій души своей, въ концѣ концовъ долженъ былъ снова заговорить о мирѣ сначала съ Государемъ, а потомъ, не получивъ отвѣта на свое льстивое письмо, съ Кутузовымъ, но и здѣсь онъ не имѣлъ успѣха. Теперь стало очевиднымъ, что звѣзда Наполеона закатилась и что пора дѣйствовать русскимъ, и они начали. Бодрое настроеніе русскихъ войскъ передалось и народу, а задѣтое французами религіозно-національное чувство заставило народъ русскій выступить мстителемъ за честь родины и ея сердца Москвы. Надвигалась надъ головой Наполеона и его великой арміи грозная туча, разсѣять которую онъ теперь былъ не въ силахъ; дни его были сочтены... Съ каждымъ днемъ Наполеонъ получалъ печальныя вѣсти о томъ, что нѣтъ припасовъ, а окрестное населеніе и за высокую плату не хочетъ доставлять ихъ, да кромѣ того и одежды теплой у войска не имѣется, подводы фуража захватываются казаками и добровольцами, и помощи неоткуда ждать.

Наполеонъ отлично понималъ, какое враждебное отношеніе царитъ къ нему и его арміи со стороны русскаго народа и войскъ,

и долженъ былъ согласиться на выступленіе изъ Москвы, а наступившіе морозы ускорили дѣло.

Получивъ извѣстіе о томъ, что русскіе переходятъ въ наступленіе, и что отрядъ Мюрата подъ Тарутинымъ потерпѣлъ пораженіе, Наполеонъ 7 октября выѣхалъ изъ Москвы, оставивъ маршала Морто, которому и приказалъ предать разрушенію Кремль, арсеналъ и другіе общественныя зданія. Въ полночь запылалъ кремлевскій арсеналъ и раздались страшные взрывы, почва заколебалась какъ бы отъ землетрясенія, многія стѣны треснули во всю вышину зданій, обломки дверей, оконъ и мебели летѣли вверхъ. Люди въ отчаяніи кидались на площади и открытыя мѣста и провели здѣсь нощь, не смотря на стужу. Для многихъ эта ночь была послѣдней.

Къ нашему счастью не все было разрушено, и между прочимъ, въ Кремлѣ лишь часть стѣны была попорчена.

11 октября вступилъ уже въ Москву русскій отрядъ подъ начальствомъ Иловайскаго, который и поспѣшилъ подать первую помощь несчастнымъ жителямъ сожженной Москвы. Печальная то была картина: всюду

хаосъ и разрушеніе; даже привычному человѣку трудно было узнать старыя улицы и площади. Среди почернѣлыхъ развалинъ кое-гдѣ сіяли куполы и кресты чудомъ уцѣлѣвшихъ немногихъ церквей. На пожарищѣ полунагіе люди блуждали, какъ тѣни, отыскивая себѣ какое нибудь пропитаніе. Св. Храмы были ограблены дочиста и осквернены. Въ алтарѣ Казанскаго собора нашли павшую лошадь, а въ Архангельскомъ—разбитую бочку съ виномъ и вездѣ валялись ободранныя иконы. Лишь на третій день раздался благовѣстъ съ уцѣлѣвшихъ церквей и по звону его сошлись всѣ москвичи, чтобы вознести горячія молитвы Господу. На площадяхъ появилось много подводъ съ мукой, сѣномъ и даже обувью, то везли жителямъ крестьяне изъ ближайшихъ мѣстностей, и Москва снова оживала.

А Наполеонъ, между тѣмъ, выйдя изъ столицы, направился на югъ по Калужской и Тульской дорогамъ, надѣясь получить хлѣбъ и оружіе, такъ какъ слышалъ, что въ Тулѣ есть ружейный заводъ, но разсчеты его и на сей разъ оказались ошибочными, такъ какъ русскія войска всюду стерегли его. Кутузовъ, получивъ извѣстіе объ оставленіи Москвы

Наполеономъ, зарыдалъ и, обративъ взоры къ образу Спасителя, сказалъ: „Боже, Создатель мой! Наконецъ, Ты внялъ молитвѣ нашей, и съ сей мнуты Россія спасена!“ и приказалъ войскамъ двинуться съ Тарутинской позиціи, а 12 октября завязался упорный бой подъ Малоярославцемъ, при чемъ городъ переходилъ 8 разъ изъ рукъ въ руки, пока ночь не прекратила этотъ ужаснѣйшій бой. Послѣ боя Наполеонъ, отказавшись отъ первоначальнаго плана, приказалъ войскамъ снова перейти на Смоленскую дорогу. Но и здѣсь его преслѣдовали тѣ-же неудачи. Его войско, утомленное переходами, страдавшее отъ недостатка провіанта и сильныхъ заморозковъ, значительно убывало, а также и партизанскіе отряды увеличивали страданія арміи.

Параллельно двигался и Кутузовъ, разсчитывая обогнуть французскую армію и тѣмъ отрѣзать путь къ отступленію. Подъ Вязьмой и Краснымъ снова произошли упорные бои, послѣ которыхъ положеніе Наполеона и его войскъ стало еще тяжелѣе, и онъ лишь думалъ объ одномъ, какъ бы скорѣе добраться до Франціи. Но главный ударъ для арміи былъ приготовленъ впереди: Наполеона поджидала русская армія у Березины, гдѣ и про-

изошелъ упорный бой, стоившій большихъ потерь арміи, здѣсь едва избѣжалъ плѣна и самъ Наполеонъ.

Разбитый Наполеонъ послѣ этой несчастной переправы оставилъ свою армію, а самъ отправился въ Парижъ, чтобы снова набрать свѣжія силы.

Изъ 600 тысячъ, которые были введены въ Россію, теперь возвратились не болѣе 70—80 тысячъ; остальные либо оказались въ плѣну, либо погибли. Вмѣстѣ съ этой арміей погибло и могущество Наполеона. Обѣщаніе Государя не положить оружія, пока хоть одинъ непріятельскій воинъ останется въ русской землѣ, было исполнено; русская земля была очищена отъ враговъ, но Императоръ Александръ не прекратилъ войны съ Франціей; онъ двинулъ войска за границу, привлекъ къ союзу съ Россіей почти всѣ Европейскія страны и не прежде прекратилъ военныя дѣйствія, какъ низложилъ Наполеона съ престола. Императору Александру легко удалось склонить союзниковъ, такъ какъ они уже достаточно натерпѣлись отъ хозяйничанья въ ихъ земляхъ Наполеона, и отъ того ига, въ которомъ они находились

во время войнъ Наполеона. Императоръ Александръ понималъ, что настало время отплатить и за оскорбленную честь націи и за пожаръ Москвы, но въ то же время, отправляя свои войска къ Парижу, онъ хотѣлъ доказать парижанамъ, что онъ ихъ другъ,и велъ войну лишь съ Наполеономъ, что и подтвердилъ своимъ радушіемъ въ отношеніи къ жителямъ Парижа. Наполеонъ все еще старался успокоить себя надеждой на успѣхъ и, явившись во Францію въ 1812 г. сумѣлъ быстро составить новую армію и попытать боевое счастье. Въ теченіе двухъ лѣтъ Наполеонъ воевалъ чуть не со всей Европой и въ ужасныхъ бояхъ при Дрезденѣ и Лейпцигѣ проявилъ свой геній и отвагу. Но злой рокъ уже былъ близко. Приходилось сознаться въ своей безпомощности и, разбитый въ бояхъ и обманутый своими маршалами, Наполеонъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Такимъ образомъ слова Императора Александра: „Я или Наполеонъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ“—сбылись. Парижъ былъ взятъ союзниками и Наполеонъ побѣжденъ. Вскорѣ союзники для успокоенія Европы учинилисудъ, лишили Наполеона престола и сослали на островъ Эльбу.

Казалось наступилъ миръ, почему союзники рѣшили вывести даже войска изъ Франціи, но вскорѣ обстоятельства измѣнились.

Зорко прислушивался изгнанникъ съ Эльбы къ тому, что творилось во Франціи и, зная настроеніе французовъ къ поставленному союзникомъ королю Людовику XVIII, рѣшилъ бѣжать съ острова и, опираясь на народъ и гвардію, явился въ Парижъ, произвелъ переворотъ и захватилъ тронъ.

Сѣлъ, по словамъ поэта, на воздушный свой корабль и быстро пустился въ путь.

„Понесся онъ къ Франціи милой, гдѣ славу оставилъ и тронъ, оставилъ наслѣдника-сына и старую гвардію онъ; и только, что землю родную завидитъ во мракѣ ночномъ, опять его сердце трепещетъ и очи пылаютъ огнемъ. На берегъ большими шагами онъ смѣло и прямо идетъ, соратниковъ громко онъ кличетъ и маршаловъ грозно зоветъ. Но спятъ усачи-гренадеры въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ, подъ снѣгомъ холодной Россіи, подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ: иные погибли въ бою, иные ему измѣнили и прода-

дали шпагу свою. И топнувъ ногою о землю, сердито онъ взадъ и впередъ по тихому берегу ходитъ и снова онъ громко зоветъ. Зоветъ онъ любезнаго сына, опору въ превратной судьбѣ; ему обѣщаетъ полміра, а Францію только себѣ" дѣйствительно, явившись во Францію и произведя переворотъ, Наполеонъ всего процарствовалъ 100 дней. Союзники, послѣ такого смѣлаго поступка Наполеона, рѣшили не церемониться болѣе и нанесли ему смертельный ударъ подъ Ватерлоо.

18 іюня 1815 г. совершился, наконецъ, судъ Провидѣнія надъ грознымъ завоевателемъ Европы и надменнымъ повелителемъ Франціи Наполеономъ. Ватерлоо, по мѣткому выраженію Гюго, было днемъ, въ который Провидѣніе объявило окончательной приговоръ Наполеону. И онъ самъ чувствовалъ это: сознавалъ въ душѣ роковой смыслъ событія. Громовой ударъ, разразившійся надъ нимъ, былъ слишкомъ грозенъ. Бодрость и энергія упали вдругъ, и онъ, разбитый и истерзанный физически и нравственно, возвращаля въ столицу. А здѣсь ожидалъ его суровый приговоръ монарховъ, которымъ грозъ-

ный повелитель Европы, лишался сана и ссылался на пустынный островъ Св. Елены.

Напрасно онъ взывалъ къ великодушію и справедливости монарховъ напрасно торжественно заявлялъ, что не подчинится ихъ строгому приговору! онъ долженъ былъ признать себя во власти ихъ и отправиться въ ссылку. „Почтимъ и мы привѣтомъ островъ одинокій, гдѣ часто въ думу погруженъ, на берегу о Франціи далекой воспоминалъ Наполеонъ. Сынъ моря! Средь морей твоя могила.

„Вотъ мщеніе за муки столькихъ дней.! Порочная страна не заслужила, чтобы великій жизнь окончилъ въ ней.

„Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства, и рока прихоти слѣпой, погибъ, какъ жилъ, безъ предковъ и потомства, хоть побѣжденный, но герой.

„Родился онъ игрой судьбѣ случайной и пролетѣлъ, какъ буря, мимо насъ.

„Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной; день возвышенья и паденья въ часъ!“

Въ половинѣ отярбя 1815 г. Наполеонъ прибылъ на островъ С. Елены. Островъ этотъ-вулканическая скала въ 100 кв. в., ниспадающая въ Тихій океанъ неприступными кручами.

Климатъ въ большей части острова сырой, съ рѣзкими перемѣнами и нездоровый, Наверху, на каменной площадкѣ, окруженной часовыми, всего въ 2 вер. отъ кручи, стоялъ плохенькій домъ въ 4 маленькихъ комнаты, туда и водворили „Бонапарта". Тутъ-же помѣстили его друзей, которые изъявили согласіе раздѣлить съ нимъ его участь, врача, да человѣкъ 12 прислуги. На ночь кь домику вплотную стягивалась цѣпь часовыхъ и вообще наблюдали за каждымъ шагомъ Наполеона, тщательно просматривали всю переписку и газеты, которыя получалъ Наполеонъ. Не смотря на такой режимъ, нужно отдать справедливость, царственный узникъ держалъ себя съ достоинствомъ и старался игнорировать подъчасъ низкія выходки приставленной къ нему стражи. Друзья предлагали устроить ему побѣгъ, но онъ отвергъ ихъ предложеніе, надѣясь на перемѣну въ политическихъ сферахъ и опять таки вѣря въ свою звѣзду.

Но дѣйствительность указывала другое, и узникъ смирился. Такъ прошло 4 года, но

однообразная жизнь и непривычный покой скоро дали себя знать: у узника сталъ замѣчаться упадокъ силъ, и онъ сталъ грустить, томиться.

Наслѣдственная болѣзнь рака росла быстро, Наполеонъ сталъ вдругъ быстро худѣть, не сталъ переносить пищи и, предчувствуя, роковую развязку, составилъ завѣщаніе, распредѣливъ все имущество между всѣми, кто оказывалъ ему услуги съ дѣтства. Настали двухдневныя жестокія страданія; въ бреду вырывались слова: „Голова... Армія", иногда наступали проблески сознанія, и тогда онъ дѣлалъ послѣднія распоряженія окружавшимъ его и потомъ снова впадалъ въ забытье.

5 мая 1821 года надъ скалой св. Елены пронесся страшный ураганъ. Была вырвана съ корнемъ развѣсистая ива, подъ которой сиживалъ вѣнчанный узникъ, наблюдая, хорошо-ли „сторожилъ его, какъ онъ, непобѣдимый, какъ онъ, великій океанъ!" Могучій умъ долженъ былъ подчиниться общечеловѣческому закону и „великій мятежникъ міра" освободился отъ оковъ Европы!

Пустынный и мрачный гранитъ процвѣлъ въ тѣ 5 лѣтъ, благодаря частымъ посѣще-

ніямъ любопытныхъ, желавшихъ взглянуть на падшее величіе. Онъ запустѣлъ и обнищалъ по смерти своего Прометея.

Теперь на вершинѣ его лежитъ безмолвная каменная плита, окруженная плакучими ивами и гордыми кипарисами: „здѣсь народовъ ненависть почила и лучъ безсмертія горитъ".

Гордый стражъ Лоу запретилъ даже начертать на могильной плитѣ „Императоръ" и не исполнилъ волю умершаго – отослать сердце его въ Парму-- къ Маріи-Луизѣ. Но Императора и нѣтъ тамъ: могила пуста. Корсиканецъ завѣщалъ: „Желаю покоиться на берегу Сены, среди французскаго народа, который я такъ любилъ". И прахъ его впослѣдствіи былъ перевезенъ съ великимъ торжествомъ во Францію и поставленъ въ домѣ Инвалидовъ, гдѣ находится и въ настоящее время. А на пустынномъ островѣ сохранился лишь домикъ Наполеона, охраняемый французскимъ часовымъ.

Характеризуя Наполеона и его полную превратностей жизнь, одинъ біографъ его выразился такъ: „Нельзя не признаться, что

есть что-то умилительное и грозно-поэтическое въ этой падшей славѣ. Это былъ новый, не баснословный, а олицетворенный Прометей, такъ еще недавно боровшійся со всѣми силами земли и часто ихъ побѣждавшій, а нынѣ прикованный къ скалѣ на добычу и угрызеніе всевозможнымъ ястребамъ воспоминаній, обманутыхъ надеждъ, оскорбленнаго и униженнаго честолюбія и упрековъ собственной совѣсти. Жребій Наполеона представляется наказаніемъ, ниспосланнымъ ему во искупленіе Провидѣніемъ. Всѣ религіи и внутреннее чувство человѣка сходятся въ томъ, что въ жизни загробной каждому воздается по его дѣламъ. Идея эта утѣшаетъ людей праведныхъ и угнетенныхъ, однако вѣра въ нее колеблется; зарождается скептицизмъ при видѣ того, какъ зло торжествуетъ на свѣтѣ. Нужно, необходимо нужно, чтобы и въ здѣшней жизни были примѣры, какъ великіе виновники, оскорбляющіе человѣчество и человѣчность, честолюбцы, жертвующіе всѣмъ своему эгоизму, падали иногда съ высоты величія въ бездну несчастья".

Наполеонъ и служитъ примѣромъ тому.

Но, если и прошло передъ нами столько печальныхъ картинъ, чему пришлось быть сви-

дѣтелемъ русскому народу сто лѣтъ назадъ, и если и немало онъ претерпѣлъ отъ грознаго нашествія французовъ, то намъ съ вами, отдѣленнымъ столѣтіемъ, нужно, во имя справедливости и безпристрастія, сумѣть подмѣтить и положительныя стороны 1812 г.

Правда, Наполеонъ сильно измѣнилъ политическую карту Европы; подчинилъ своей могучей волѣ всѣ почти народы и заставилъ ихъ проливать кровь во имя своихъ личныхъ цѣлей, и тѣ рабски исполняли его приказанія За то при первой же неудачѣ и покинули его, тѣмъ не менѣе заграничные походы дали сильный толчекъ общественнымъ слоямъ для культурной работы. Лучшіе русскіе люди во время своего прибыванія въ чужой странѣ могли ближе усвоить совершенныя формы жизни Запада и, по возвращеніи на родину, могли еще сильнѣе почувствовать свою отсталость и невѣжество, которое царило вслѣдствіе крѣпостного права; и у нихъ еще сильнѣе явилось желаніе вывести народъ на новый путь, что и вылилось сначала въ извѣстномъ возстаніи декабристовъ, а затѣмъ въ великой реформѣ 19 февраля.

Не даромъ чрезвычайное оживленіе сношеній съ Западомъ, по словамъ профессора С. Ѳ. Пла-

тонова, повело къ тому, что на Руси послѣ 1812 года сталъ замѣтенъ сильный подъемъ образованности, развился вкусъ къ занятіямъ философіей, наукою и литературой, появились философскіе кружки, подготовлялся расцвѣтъ самостоятельнаго творчества въ чудной поэзіи Пушкина и его литературныхъ друзей и послѣдователей. Словомъ, патріотическое оживленіе, вызванное Наполеономъ въ Россіи, перешло отъ военныхъ порывовъ къ мирной просвѣтительной работѣ на поприщѣ народнаго самосознанія.

„Вотъ почему, чествуя столѣтіе отечественной войны, и вспоминая кровавый день Бородина и плѣнъ разрушенной Москвы, мы празднуемъ не только военную годовщину, но и народно-культурный праздникъ.

„Въ бѣдствіи родины, въ крови и пожарахъ 1812 года, народная душа почерпнула не жажду мести врагу, но и потребность духовнаго и гражданскаго совершенствованія. Военный походъ отъ Москвы на Нѣманъ и отъ Нѣмана въ Парижъ привелъ русскій народъ не только къ окончательному пораженію народнаго врага, но и къ первымъ ша-

гамъ на пути уничтоженія крѣпостного строя и усвоенія лучшихъ сторонъ Европейской культуры.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

тонова,
1812 г
образов
ямъ ф
вились
цвѣтъ
поэзіи
и посл
оживл
сіи, п
ной п
роднаг

„
ной в
родин
празд
но и

,
рахъ
не ж
ховна
Воен
отъ
родъ
нію

2/-